

„ПОЭТЫ-МЫСЛИТЕЛИ“.

Серія иллюстрированныхъ и комментированныхъ европейскихъ
классиковъ.

ДАНТЕ АЛЛИГІЕРИ.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ.

АДЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО РАЗМЪРОМЪ ПОДЛИННИКА (ТЕРЦИАМИ)

Н. ГОЛОВАНОВА,

съ 24 рисунками Густава Доре, портретомъ Данта, 587-ю объяснительными примѣчаніями и приложеніемъ статей о Данте проф. Ф. И. Буслаева, Карлейля, Эдгара Кине, Ламене, Шлегеля и др.

ТЕКСТЪ ПЕРЕВОДА ПРОСМОТРѢНЪ

ПРОФ. Ф. И. БУСЛАЕВЫМЪ.

Цѣна 2 рубля.

Издание второе, печатанное безъ перемѣнъ съ 1-го изданія, допущенного Ученымъ Комитетомъ М. И. Пр. въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и бесплатныя сельскія читальни.

1899.

Книжная торговля ГОЛОВАНОВА, Москва,
Большая Никитская, д. ки. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ предлагаемомъ переводѣ я поставилъ себѣ цѣль, принятую уже однимъ изъ переводчиковъ Данта: «одѣть мысль Данта въ ту же самую одежду словъ, въ какую одѣлъ ее самъ Данть». Быть можетъ, буквальность была часто въ ущербъ русскому языку; да и отъ самой цѣли я былъ то ближе, то дальше: работа затянулась на девять лѣтъ, а въ этотъ періодъ существенно мѣнялось во мнѣ и пониманіе Данта.

Архаизмы и славянізмы я не стѣснялся употреблять, частію памятуя, что Литтрѣ даже умышленно пробовалъ переводить Данта стариннымъ французскимъ языкомъ XIII столѣтія, частію и потому, что нашъ обыденный языкъ слишкомъ бѣденъ для красокъ и оттѣнковъ Данта. Порою я употреблялъ былинные и пѣсенные обороты; не стѣснялся и низменными выраженіями, хотя на фонѣ общей торжественности тона. Получилась извѣстная пестрота языка; но быть можетъ, она отражаетъ пестроту той *vulgaris eloquentiae*, первоздателемъ которой явился самъ Данть.

Приложенія примѣчанія представляютъ простой переводъ и почти всѣ принадлежатъ Dr. Пфейдлереру, комментировавшему нѣмецкій переводъ «Б. К.» Штрекфуса; они только дополнены примѣчаніями, взятыми изъ «Б. К.» въ изданіи Сонценко, и исто-

рическими свѣдѣніями, приложенными къ английскому переводу Лонгфелло; у послѣдняго же взяты вступленіе и прибавленія въ концѣ книги, составляющія вмѣстѣ съ статьей проф. Ф. И. Буслаева, почтившаго меня своимъ руководительствомъ,—какъ бы маленькую христоматію о Данте, христоматію, представляющую образцы отношенія къ Данту итальянцевъ, французовъ, немцевъ, англичанъ, американцевъ и русскихъ. Биографіи Данта не прилагаю, такъ какъ по русски ихъ имѣется нѣсколько.

Н. Г.

* * *

Какъ путникъ отъ жары и пыли отдохнуть,
Покинувъ улицы докучное смятенье,
Подъ сень стафинаю собора держитъ путь;

Какъ въ полумракѣ цвѣтной вступивъ въ благоустроенный
И ношу положивъ къ узорчатымъ дверямъ,
Разсматриваетъ онъ вокругъ изображенія,—

Войдите такъ и вы въ стафинный этотъ храмъ,
Въ ютическій соборѣ, построенный изъ слова!
Какъ антикварій ревностный, я вамъ,

Вдали отъ всхъ суетъ смятения дневною,
Столптий пыль съ его святынь стражну
И вызову на свѣтъ видѣнія бывшаго;

Изъ гроба воскрешу святую стафіну,
Чтобъ, сокровеннаѧ, она явилась взору
И развернулася предъ нимъ подобно сну!

Что за причудливыя башенки и хоры!
Какъ длиненъ статуй рядъ! и ласички пріютъ
Нашли въ одеждахъ ихъ... Какъ кружева узоры,

Драконы, бѣсы, змѣи вьются тутъ,
Сплелись невиданныхъ чудовищъ стаи въ груду;
Вотъ трубы ангеловъ вѣщаютъ страшный судъ

Трепещущей земль; вотъ тащитъ бѣса Іуду;
Вотъ страсти Господа; вотъ книжниковъ каialъ,
Какъ стая псовъ, Ею объемлетъ отовсюду...

Все мракъ таинственными красками застлалъ;
Какъ будто балдахинъ изящный филигранный,
Весь въ стеклахъ расписныхъ раскинулся порталъ,

И цълый храмъ цвѣтетъ, какъ садъ благоуханный!
Все необычное, далекое отъ насъ—
Обычно, близко этой сферѣ странной:

Какой отчаянныи порывъ, какой экстазъ,
Какой полетъ души! Какая духа сила
И жажды страстиная, земную сбросивъ грязь,

Взлетѣть къ утраченной отчизнѣ неба милой!
И какъ могучъ любви возвышенный недугъ,
Какъ торжествуетъ жизнь надъ тленiemъ и могилой!

Нѣтъ, здѣсь не влѣстна смерть! Не тратитъ даромъ духъ
Такихъ святыхъ даровъ; и вѣчною любовью
И вѣчной прелестію дышетъ все вокругъ

Въ мистическомъ цвѣткѣ средневѣковья.

